

УДК 81'42, ББК 67.53, ГРНТИ 16.31.61, КОД ВАК 10.02.01

Г. В. Напреенко

Кемерово, Россия

ОБ УЧАСТИИ ЛИНГВИСТА В СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСКОРБЛЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВЛАСТИ

Данная статья направлена на освещение практики рассмотрения уголовных дел об оскорблении представителей власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. На материале протоколов допросов свидетелей и потерпевших по делам об оскорблении представителей власти рассматриваются проблемы, которые встают перед лингвистом в ходе установления наличия или отсутствия речевого акта оскорбления в высказываниях. Ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» оперирует понятием «оскорбление», обозначенным в ст. 5.61 КоАП РФ, а также в утратившей силу ст. 130 УК РФ «Оскорбление»: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Лингвисты и юристы едины во мнении, что данное определение оскорбления дается в слишком общем виде. Неточное толкование понятия «оскорбление», а главное, отсутствие определения входящей в него дефиниции «неприличная форма» влекут неоднозначность определения ряда высказываний как оскорбительных. В данной статье рассматриваются некоторые слова, наиболее часто воспринимаемые представителями власти как оскорбительные и явившиеся поводом для возбуждения уголовных дел. Оскорбление как речевое преступление в рамках ст. 319 УК РФ предполагает адресность спорного высказывания, наличие лексики, относящейся к разряду оскорбительной, неприличную форму выражения такой лексики, а также публичность. На примере анализа ряда слов, приведенных в данной статье, наблюдается явное противоречие между бытовым пониманием оскорбления и оскорблением, подлежащим правовому регулированию.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистическая экспертиза, оскорбление, оскорбление представителя власти.

Сведения об авторе: Галина Викторовна Напреенко, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, латинского языка и медицинской терминологии Кемеровского государственного медицинского университета Минздрава РФ. 650056, Кемерово, ул. Ворошилова 22а. E-mail: vila1991@mail.ru

G. V. Napreenko

Kemerovo, Russia

ON THE PARTICIPATION OF A LINGUIST IN COURT HEARINGS ON CRIMINAL CASES OF INSULTS TO THE REPRESENTATIVES OF AUTHORITIES

The article deals with discussing the practice of hearing criminal cases on insults to the authorities in the discharge of their duties or in connection with them. The problems faced by a linguist while identifying presence or absence of verbal insult in statements are considered on the material of witness and victim interrogation reports in cases of insulting the authorities. Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation «Insult of a representative of the authorities» considers the concept «insult» indicated in Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation, as well as in the void Article 130 of the Criminal Code of the Russian Federation as follows: «Insult is humiliation of the honor and dignity of another person, expressed in indecent form». Linguists and lawyers are unanimous in their opinion that this definition of insult is given in a too general form. Inaccurate interpretation of the concept «insult», and what is most important, the lack of the definition of «indecent form» leads to the ambiguity in referring to statements as offensive. This article discusses some of the words that are more often perceived by representatives of the authorities as offensive and that yielded initiation of proceedings. Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation states that insult as a speech crime implies addressing character of a controversial utterance, the presence of vocabulary related to the category «offensive», indecent form of expression of such vocabulary, as well as publicity. On the example of the analysis of a number of words given in this article, there is a clear contradiction between the everyday understanding of the word «insult» and «insult» as a subject to a legal regulation.

Key words: legal linguistics, linguistic expertise, insult, insult to the authorities.

About the author: Galina Viktorovna Napreenko, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Chair of Foreign Languages, Latin and Medical Terminology Kemerovo State Medical University Minzdrava RF. 650056, Kemerovo, ul. Voroshilova, 22a. E-mail: vila1991@mail.ru

Статья 130 УК РФ «Оскорбление», предполагающая уголовную ответственность за оскорбление личности, утратила силу в 2012 году и была заменена статьей административного кодекса – ст. 5.61. КоАП РФ «Оскорбление». При этом **уголовная ответственность** за оскорбление как речевое преступление в настоящее время регулируется статьями 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», 297 УК РФ «Неуважение к суду» и 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего». Под оскорблением в указанных статьях

уголовного кодекса понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» [Федеральный закон: URL].

Фундаментальным противоречием в делах об оскорблении является различие бытовой, лингвистической и юридической трактовок данного понятия. Хотя в Федеральном законе содержится определение понятия «оскорбление», для установления наличия или отсутствия речевого акта оскорбления в спорном высказывании данного определения недостаточно, так как значение составляющих его дефиниций не раскрывается. На это обращают внимание многие лингвисты (И. А. Стернин, Т. В. Чернышова, Ю. Ю. Магерасова и др.).

В настоящей статье освещается практика участия лингвиста в судебных заседаниях об оскорблении представителей власти (ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти»). Совершение речевого правонарушения согласно данной ст. 319 УК РФ предполагает, во-первых, публичность совершения речевого акта оскорбления, во-вторых, направленность конфликтного высказывания лицу, исполняющему должностные обязанности представителя власти: «Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением» [Федеральный закон: URL]. Так, поводом для возбуждения уголовного дела становится высказывание, выраженное в неприличной форме, в адрес лица, являющегося представителем власти, публично, при свидетелях. Публичность речевого акта и адресность высказывания устанавливается судом или лингвистом-экспертом в зависимости от наличия или отсутствия контекста речевого акта.

Для определения оскорбительного потенциала слова в рамках законодательства необходимо установить наличие двух компонентов, актуализированных в определении понятия «оскорбление»: факта унижения чести и достоинства (а именно – наличие лингвистических признаков унижения чести и достоинства), а также выражения данного факта в неприличной форме.

И. А. Стернин к лингвистическим признакам унижения чести достоинства относит следующие параметры:

- 1) «сообщение негативных сведений о лице» [Стернин, Антонова, Карпов,

Шаманова 2013: 3];

2) «отнесенность негативных сведений конкретному лицу» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 5]. **Направленность высказывания в адрес** конкретного лица может быть установлена лингвистом путем анализа контекста, в котором содержится спорное слово. В рамках описываемого в данной статье уголовного дела лингвисту не всегда предоставляется целое высказывание подсудимого, чаще предоставлены для анализа косвенные источники, содержащие слова, явившиеся поводом для возбуждения дела. В таких случаях направленность высказывания представителю власти устанавливается судом;

3) «фактологический характер негативных сведений» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 5];

4) «публичный характер распространения сведений» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 11]. Публичный характер распространения сведений в рамках ст. 319 УК РФ связан с произнесением высказывания оскорбительного характера при посторонних лицах (других представителей власти или граждан): «если текст устный, то произнесены ли соответствующие высказывания публично – в присутствии хотя бы одного постороннего человека, свидетеля» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 11];

5) «порочащий характер данных сведений» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 12];

б) «установка на публичное сообщение соответствующих сведений (а не на словесное выражение говорящим своей негативной эмоции по поводу личности потерпевшего)» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 12]. В высказываниях, цель которых ограничивается эмоционально-экспрессивным выражением, отсутствует установка адресанта на «публичное сообщение негативных сведений окружающим», они не направлены на то, чтобы «специально сообщить негативные факты окружающим, чтобы опозорить, унижить достоинство человека в глазах окружающих» [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013: 12]. Такие высказывания не могут быть признаны

информационными.

К лингвистическим признакам унижения чести достоинства относится **неприличная форма высказывания**, актуализированная в определении понятия «оскорбление» в Федеральном законе. Понятие «неприличная форма высказывания», определение которого в законе отсутствует, в лингвистике наполняется различным содержанием и являет собой важное противоречие в связи с неоднозначностью включения в список слов, имеющих неприличную форму. Сомнений в том, что к словам, имеющим неприличную форму, относится обценная лексика (мат), не возникает. Лингвисты выделяют от трех таких слов и их производных (В. Раскин) до пяти обценных слов и их производных [Стернин 2013]. Однако отнесение других лексических единиц к словам, имеющим неприличную форму, не имеет однозначного решения. В ряде лингвистических работ бранные и вульгарные слова не относятся к словам, имеющим неприличную форму, а значит таким, которые могут расцениваться как уголовное преступление, однако оскорбительный потенциал таких слов учеными не подвергается сомнению [Стернин 2010]. В трудах [Цена слова 2002; Шахматова: URL; Жельвис 2000] отмечается, что бранные и вульгарные слова должны быть признаны оскорбительными наряду с нецензурными словами, поскольку так реализуется определенная форма речевого поведения, при этом степень ответственности зависит от степени оскорбительности высказываний: «бранные слова и обороты речи прямо и недвусмысленно оскорбляют достоинство человека, нарушают чистоту речи» [Жеребило 2010]. Так, И. А. Холопова отмечает, что, с юридической точки зрения, инвектива – это «проклятия, богохульства, эвфемизмы, жаргон, прозвища и клички» [Холопова 2014: 3]. Гильдией лингвистов-экспертов был разработан список лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах могут носить оскорбительных характер для конкретного лица. Данный список, состоящий не только из нецензурных слов, но и из бранных, вульгарных слов, основан на критерии семантического и формального содержания слов: *мошенник, жулик; расист, двурушник; палач, мясник; свинья, осел, корова; воровать, хапнуть;*

негодяй, хам; женщина легкого поведения, интердевочка; коммуняки, дерьмократы, прихватизаторы и нецензурные слова в качестве характеристики лица [Цена слова 2002: 182, 333-349]. Публичная направленность таких слов конкретному лицу, являющемуся представителем власти, может расцениваться как посягательство на его честь и достоинство.

С проблемой однозначного определения неприличности формы лексической единицы связана проблема указания различных стилистических помет, сопровождающих словарную статью, в разных словарях. Данную проблему рассматривает В. А. Синева, анализируя пометы, указанные в словарных статьях «тварь» в разных словарях. Различные пометы могут по-разному влиять на вывод о неприличности формы некоторых слов [Салаев: URL].

Таким образом, проблемами, с которыми сталкивается лингвист при установлении речевого акта оскорбления в высказывании, являются отсутствие однозначности в трактовке понятий «оскорбление» и «неприличная форма».

В рамках ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти» лингвист может участвовать в судебном заседании в качестве специалиста. В таком случае он вынужден работать с косвенными источниками высказываний – с показаниями свидетелей и потерпевшего, зафиксированными в протоколах допросов. Вопрос «Являются ли слова, высказанные обвиняемым в адрес представителя власти, оскорбительными?», поставленный перед специалистом, направлен на выявление наличия речевого акта оскорбления. Лингвисту в рамках процесса необходимо установить следующее:

1. Отнесенность спорного высказывания к конкретному лицу.
2. Отсутствие или наличие речевого акта оскорбления. Отнесенность лексики к разряду оскорбительной.
3. Форма передачи информации – приличная / неприличная [Бринев: URL].

Практика участия лингвиста, автора статьи, в судебных заседаниях по делам об оскорблении представителей власти позволяет выделить некоторые слова, наиболее часто воспринимаемые сотрудниками правоохранительных

органов как оскорбительные: *козел, мент, тварь, сука, п***р, мусор, чурка, черт, «пошел на х**»*. Поводом для возбуждения уголовного дела является высказывание, произнесенное при свидетелях и воспринимаемое сотрудником правоохранительных органов как унижающее его честь и достоинство.

Лингвисту предоставляются протоколы допросов, приложения к протоколам допросов, в которых перечисляются лексические единицы, явившиеся поводом для возбуждения уголовного дела. Ниже перечислен пример приложения к протоколу допроса, содержащий трактовку слов сотрудником полиции. Многие спорные лексические единицы повторяются в приложениях к разным протоколам допросов, поэтому в данной статье они объединены в один образец:

«Мужчина высказал в адрес сотрудников полиции следующие оскорбления:

*1) п***р – мужчина, совершивший половой акт с другим мужчиной;*

*2) держи, п***р;*

3) козел – животное;

4) мусор позорный, мусор е...ый (слово, образованное от глагола, обозначающего акт совокупления – Г. В.), это оскорбительное выражение по отношению к сотруднику полиции;

5) черт, что является оскорбительным выражением;

б) х..плет – это оскорбительное выражение.

Все перечисленные оскорбления я считаю оскорбительными, как по отношению к сотруднику, так и по отношению к любому человеку». Ряд высказываний строится по типу: «Да ты козел, тварь, я тебя...» и под.

В приложении к протоколу допроса все слова сотрудником органов полиции определяются как оскорбления (*«следующие оскорбления»*). Это же подтверждается заключительной фразой *«Все перечисленные оскорбления я считаю оскорбительными, как по отношению к сотруднику, так и по отношению к любому человеку»*.

Трудностей с определением слова «х..плет» как оскорбительного не возникает. Оно является производным от слова, относящегося к обценной

лексики (мату), и имеет неприличную форму. Использование в речи подобного слова противоречит существующим нормам. Если данное слово произносится публично в адрес представителя власти, оно становится поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти».

Слово «чурка», адресованное, по словам свидетелей, сотруднику правоохранительных органов, в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой имеет два значения:

Чурка

1. *Короткий обрубок, кусок дерева или металла.*

2. *разг.-сниж. Употребляется как бранное слово, которым обзывают бесчувственного, глупого человека.* [Ефремова 2000].

При направленности данного слова в адрес человека актуализируется второе значение, которое в Толковом словаре содержит важное указание для определения оскорбительного статуса данного слова: «*Употребляется как бранное слово*», толкование слова сопровождается пометой «разговорно-сниженное». Сниженная лексика – это «лексика, употребление которой в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего говорящего, уровень его речевой и общей культуры» [Стернин 2010: 389]. Синонимом сниженной лексики являются понятия *сленг, жаргон, просторечие, вульгарная лексика* [Стернин 2010: 389].

Слово «козел» многозначно. В Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой указаны следующие значения:

Козел

1. *м.*

1. *Самец козы.*

2. *перен. разг.-сниж. Упрямый, неприятный в общении человек.*

2. *м.*

1. *Гимнастический снаряд в виде обитого кожей короткого бруса на четырех ножках.*

3. м. разг.

1. Название игры в карты, в домино.

2. перен. Проигравший в такой игре.

4. м. разг.

1. Автомобиль марки ГАЗ, обладающий большой проходимостью; газик.

5. м. разг.

1. Затвердевший при остывании после плавки и приставший к стенкам печи, ковш и т.п. металл, сплав, шлак.

Адресность данного слова конкретному лицу реализуется в значении «2. перен. разг.-сниж. Упрямый, неприятный в общении человек» [Ефремова 2000]. Слово «козел» содержит «резкую обобщенную неодобрительную оценку лица» [Стернин 2010: 389], по классификации гильдии лингвистов-экспертов данное слово относится к зоосемантическим метафорам, отсылающим к названиям животных и подчеркивающим какие-либо отрицательные свойства человека [Цена слова 2002: 182, 333-349].

Бранным (или инвективным) данное слово будет являться, если оно направлено к человеку с целью оскорбить, унизить его честь и достоинство. Отсутствие данных составляющих дает право признать слово «козел» неоскорбительным. В рамках дела по статье 319 УК РФ судом установлено, что слово «козел» адресовано сотруднику правоохранительных органов при свидетелях (публично), слово «козел» стоит в ряду других бранных и нецензурных слов, высказанных подсудимым.

В определении слова «тварь» в Толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой указана помета «разговорно-сниженное», кроме того в словарной статье указано значение слова «*употребляется как бранное слово*» [Ефремова 2000]. Данное значение указано и в МАС.

Тварь:

1. ж. устар.

1. Любое живое существо.

2.ж. разг.-сниж.

1. Подлый, мерзкий, презираемый человек.

2. Употребляется как бранное слово.

Будучи бранным, слово «тварь» содержит «резкую обобщенную неодобрительную оценку лица» [Стернин 2010]. Лексема имеет неприличную форму выражения при адресации его конкретному лицу публично, а значит, может являться оскорбительным и регулироваться статьей 319 УК РФ.

При определении оскорбительного потенциала слова «мусор» проблема обыденного понимания оскорбления и юридического толкования оскорбления встает достаточно остро. Необходимо иметь в виду, что «понятия неприличная языковая форма и оскорбление с точки зрения бытового сознания и с юридической точки зрения – разные понятия» [Стернин 2010]. Сотрудники правоохранительных органов данные слова категоризируют как оскорбительные (указано полицейским в приложениях к протоколам допроса). Пожалуй, слово «мусор» представители власти оценивают как одно из самых оскорбительных. Слово «мусор» является жаргонным. Оно служит средством экспрессивного выражения негативного эмоционального состояния, однако слово не образует непосредственного речевого акта оскорбления. При употреблении относительно сотрудника правоохранительных органов является неодобрительной (отрицательной) оценкой лица.

Отнесение жаргонной лексики к оскорбительным словам неоднозначно. Так, слово «п***р» относится к жаргонной лексике и имеет словарную помету «грубое, вульгарное». В значении «плохой, неприятный, вредный человек» является бранным, вульгарным. Лексема «черт» является разговорно-сниженной и имеет значение «употребляется как бранное слово» при обращении к конкретному лицу; в определенном контексте представляет собой жаргон. С одной стороны, жаргонную лексику не относят к группе нецензурных слов, с другой стороны, вульгарный, бранный характер слов позволяет лингвисту делать вывод о наличии оскорбительного потенциала таких слов.

Высказывание «пошел на ...» содержит словоформу, которая обозначает

мужской половой орган. Данное слово относится к пласту нецензурных слов, имеющих неприличную форму и обладающих оскорбительным потенциалом. Данное высказывание является устойчивым, обычно используется в повелительном наклонении («иди на ...»). Публичное употребление подобного высказывания может быть расценено как речевое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ. Мелкое хулиганство). Однако оно не содержит речевой акт оскорбления, так как употребляется не для характеристики лица (представителя власти), а для выражения своего негативного эмоционального состояния.

Таким образом, установленные обстоятельства позволяют лингвисту считать, что рассматриваемые слова могут квалифицироваться как неприличные и являться оскорбительными, так как посягают на честь и достоинство представителя власти. Автор приходит к выводу о наличии в указанных высказываниях оскорбления как целенаправленного речевого акта в адрес представителя власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бринев К. И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. URL: <http://rusexpert.ru/public/guild/4.pdf>
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
3. *Жельвис В. И.* Слово и дело: юридический аспект сквернословия. Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 194-206.
4. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010
5. *Магеримова Ю. Ю.* Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление». Научный диалог. 2018. № 7. С. 93-102.
6. *Мокиенко В. М.* Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. Русистика. 1994. № 1–2. С. 50–73.
7. *Саляев В. А.* «Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprilichnaya-forma-vyrazheniya-kak-problema-leksikografii-i-lingvoekspertologii>
8. *Стернин И. А.* Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста. URL: http://siberia-expert.com/publ/konferencii/konferencija_2010/9-1-0-308
9. *Стернин И. А.* О понятии «неприличная форма высказывания» в лингвистической

экспертизе. «Воронежский адвокат». № 1(79). 2010. С. 16-21.

10. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.

11. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) «Оскорбление представителя власти». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c6fafa4e06f5b3e8d2eec4cbd86cfc60812cf697/

12. Холопова И. А. К вопросу о лингвистическом аспекте экспертизы по делам об оскорблении. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38). С. 179-183.

13. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / ред. М.В.Горбаневский. М., 2002.

14. Шабанов М. М. Особенности проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении. Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Общественные науки. 2010. №. 2. С. 175-179.

15. Шахматова Т. С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-instrument-yazykovogo-nasiliya-v-rechevyh-situatsiyah-institutsionalnogo-obscheniya>

REFERENCES

1. Brinev K. I. *Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise*. [Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza]. URL: <http://rusexpert.ru/public/guild/4.pdf>

2. Efremova T. F. *New dictionary of the Russian language. Interpretive word-building* [Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy]. Moscow, 2000.

3. *Federal Law of June 13, 1996 No. 63-ФЗ (as amended on November 12, 2017) «Insulting a Representative of the Authorities»* [Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 No 63-FZ (red. ot 12.11.2018) «Oskorblenie predstavatelya vlasti»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/c6fafa4e06f5b3e8d2eec4cbd86cfc60812cf697/

4. Kholopova I. A. *On the question of linguistic aspect of expertise on the cases of offense* [K voprosu o lingvisticheskom aspekte ekspertizy po delam ob oskorblenii]. *Philology. Theory and practice*. No 8 (38). Pp. 179-183.

5. Mageramova Yu. Yu. *Legal and Linguistic Contradictions in Concept of «Insult» Interpretation* [Pravovyye i lingvisticheskiye protivorechiya v traktovke ponyatiya «oskorbleniye»].

Scientific dialogue. 2018. № 7. Pp. 93-102.

6. Mokiyeiko V. M. *Russian expletive vocabulary: censorship and foul language* [Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoye i netsenzurnoye]. Russian Studies. 1994. No 1–2. Pp. 50–73.

7. Salyaev V. A. «*Indecent form of expression*» as an issue of lexicography and linguistic expertology [«Неприличная форма выражения» как проблема лексикологии и лингвоэкспертологии]. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/neprilichnaya-forma-vyrazheniya-kak-problema-leksikologii-i-lingvoekspertologii>

8. Shabanov M. M. *Peculiarities of Carrying out the Forensic Linguistic Expertise in Insult Cases* [Osobennosti provedeniya sudebnoj lingvisticheskoy jekspertizy po delam ob oskorblenii]. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2: Social Sciences. 2010. Vol. 2. Pp. 175-179.

9. Shahmatova T. S. *Insult as a tool of linguistic violence in verbal situations of institutional communication* [Oskorbleniye kak instrument yazykovogo nasiliya v rechevykh situatsiyakh institutsional'nogo obshcheniya]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-kak-instrument-yazykovogo-nasiliya-v-rechevykh-situatsiyakh-institutsionalnogo-obscheniya>

10. Sternin I. A. *Indecent form of utterance in linguistic analysis of text* [Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста]. URL: <https://goo.gl/TYDR6W>.

11. Sternin I. A. *On the concept of «indecent form of utterance» in linguistic expertise* [O ponyatii «neprilichnaya forma vyskazyvaniya» v lingvisticheskoy ekspertize]. Voronezh lawyer. No 1(79). 2010. Pp. 16-21.

12. Sternin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Shamanova M. V. *Identification of signs of humiliation of honor, dignity, impairment of business reputation and insult in the linguistic examination of the text* [Vyyavleniye priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta]. Yaroslavl, 2013.

13. *The price of the word. Texts of lawsuits to protect the rights, dignity and business reputation* [Tsena slova. Teksty sudebnykh protsessov po zashchite prav, dostoinstv i delovoy reputatsii]. Moscow, 2002.

14. Zhelvis V. I. *Word and deed: the legal aspect of bad language* [Slovo i delo: yuridicheskiy aspekt skvernosloviya]. Legal linguistics-2. Language in its natural and legal being. Barnaul, 2000. Pp. 194-206.

15. Zherebilo T. V. *Dictionary of linguistic terms* [Slovar lingvisticheskikh terminov]. Nazran, 2010.